

Страшные дни (Мф 26)

Нелегко следовать за событиями последних дней земной жизни Христа, во-первых, потому что Он вкусил полную меру человеческого страдания, во-вторых, потому что каждая минута этих дней была исполнена величайшего значения для человечества, так что даже от «просто читателя» требуется как сострадание, так и сосредоточенность.

После притч, изложенных в предыдущей главе, Христос сказал ученикам: «Вы знаете, что через два дня будет Пасха, и Сын Человеческий предан будет на распятие». Он ведь и раньше говорил, что Ему суждено пострадать, но реакция была, честно говоря, ослабленной, и вовсе не потому что Апостолы были невнимательны, а потому что человеческое сознание склонно вытеснять страшное. Это, что называется, естественный процесс: избирательная память, избирательное внимание. Но не входит ли в понятие подражания Христу преодоление этой избирательности?..

Илья Ефимович Репин. Тайная вечеря. 1903

При Каиафе собирается совещание тех, кто хочет убить Иисуса, «но только не в праздник, чтобы не сделалось возмущения в народе». А Христос меж тем пребывает в Вифании в доме прокаженного Симона. И здесь женщина за трапезой льет драгоценное миро (из драгоценного же алебастрового сосуда, — но только это не наш строительный алебастр; достаточно посмотреть такие сосуды в музее. чтобы в этом убедиться) Ему на голову.

Апостолы, которые все еще находятся в рамках привычного хода событий, возмущаются: какая расточительность! можно же было продать и раздать деньги нищим! То есть опять выказывают непонимание того, что происходит и тем более — того, что надвигается. И вот — слова Спасителя, исполненные не только глубокого понимания хода вещей, но и человеколюбия:

«Что смущаете женщину? она доброе дело сделала для Меня: ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда имеете; возлив миро сие на тело Мое, она приготовила Меня к погребению; истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что она сделала». И вот этого и не выдержал Иуда: пошел договариваться о предательстве, причем не об идеологическом аспекте, а сразу о деньгах.

Принято считать, что он возмутился, будучи казначеем; предполагается также, что он в этом качестве проворовался, и это сделало его особо чувствительным к финансовым вопросам (гм-гм). Но нельзя, наверное, полностью исключить и возможность того, что он понял, что наступает центральный момент в истории человечества, требующий предельного напряжения всех душевных сил, всей способности к пониманию, всей стойкости. И решил, что это ему не нужно. Впрочем, кто может постичь мутную душу пре-

дателя, который и самому-то себе непрестанно лжет? Да и так ли уж это нужно?..

И еще можно припомнить, что волхвы преподнесли Богомладенцу золото как Царю, ладан как Богу, смирну же (миро) — как смертному человеку, на погребение. И вот здесь этот дар отозвался чистым, печальным звуком.

И вот — пасхальные дни, дни опресноков, когда не едят квашеного хлеба. А где пришельцам устроить пасхальную трапезу? Об этом ученики и спрашивают Христа. А он отвечает: «Пойдите в город к такому-то и скажите ему: Учитель говорит: время Мое близко; у тебя совершу пасху с учениками Моими. Ученики сделали, как повелел им Иисус, и приготовили пасху». Существует достаточное количество идей насчет того, кто же был этот человек. А так ли это важно? Можно ведь и просто отметить, что приготовлению пасхальной трапезы было уделено минимум внимания, — ровно столько, сколько понадобилось, чтобы сесть за стол и вкушать пасхальные блюда. Ну и еще мимоходом заметить, что грандиозная предпасхальная уборка, когда дом перемывается и протирается с пола до потолка, — это обычай ветхозаветный.

А за столом Он сказал: «Истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня». Ученики взволновались; наверное, достойно внимания то, что они не стали наперебой заверять Спасителя в своей чистоте, а спрашивали: «Не я ли, Господи?». Это значит, что Учителю они доверяли больше, чем себе. И правильно делали, — но только потому что это был Он, Царь и Господь, Спаситель мира. О том, сколько горестей принесло человечеству подпадание под другие авторитеты, начиная с древнего змия, — удобнее молчание. «Бойтесь единственно только того, кто скажет: я знаю, как надо».

Ответ Христа был таким: «Опустивший со Мною руку в блюдо, этот предаст Меня; впрочем, Сын Человеческий идет, как писано о Нем, но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы этому человеку не родиться». А вот на вопрос Иуды, не он ли, воспоследовал ответ: «Ты сказал». То есть даже прямого обвинения предатель не дождался.

Что же нам думать о словах о том, что Писания сбываются, как должно, но горе тому, из-за кого они сбываются? Здесь — очень тонкий лед, здесь опасность вынесения неверного суждения весьма велика. Не в меру резвые размышления о том, что было бы, если... могут завести нас в туманную область фэнтези. И просто жанр альтернативной истории, стремительно набирающий популярность, способен повредить пылким умам, а насколько же рискованнее перенесение этого принципа (основанного на желании, чтоб все было хорошо, — по нашим меркам) в область истории спасения. Здесь, наверное, уместно было бы поставить себе ограничитель, например, такого же вида, как предлагается в молитве о ненавидящих и обидевших, где сказано о том, что если Ты судил этому человеку погибнуть, то пусть это будет не из-за меня. Так и в этом случае: если суждено Сыну Человеческому пострадать, то пусть не из-за моей вины... То есть обреченность Иуды, личная и персональная, здесь не просматривается; выбор у него был, и своей волей он устремился ко злу.

И вот, Спаситель раздает ученикам благословленный им хлеб, — и здесь звучат слова, дающие нам жизнь, надежду и любовь: «Приимите, ядите, сие есть тело Мое». И чашу дает со словами: «Пейте из нее все, ибо сие есть кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов. Сказываю же вам, что отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего». И эти слова легли в основу нашего существования со дня Тайной Вечери и до

конца времен. Нам остается только в благоговении их принять и склониться перед величием Божией милости: даже идя на страшные муки и смерть Христос творит благо для людей. Вот разве что отметим одну деталь, которую иногда обходят вниманием: Господь говорит о Царстве Небесном как о пире, исполненном радости и веселья.

После пасхальной трапезы, которая стала и первой Евхаристией в истории человечества, Апостолы и Спаситель с пением поднимаются на гору, в оливковый сад. И здесь не самым приятным образом оправдываются слова: «Пути Господни — не наши пути» (ср. Ис 55:8). Обычно они говорятся, чтобы подчеркнуть, что Господь знает лучше и т. д. Но здесь — прямое расхождение путей: Апостолы получили благословение на жизнь и духовную радость, Христос же идет путем скорбей, и должен претерпеть оставленность. Об этом и говорит: «Все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь, ибо написано: поражу пастыря, и рассеются овцы стада; по воскресении же Моем предварю вас в Галилее». Вот ведь как: знает, что соблазнятся, но в то же время и приободряет словами о Своем воскресении и о предстоящей встрече. Но как-то так получается, что Апостолы, чисто по-человечески, так спешат заранее оправдаться и заверить Учителя в своей верности, что мало обращают внимания на слова о Галилее (об этом свидетельствуют дальнейшие события). И первым обещает не соблазниться Петр, и слышит: «Истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня». Петр клянется в верности до смерти. А Иисус знает, что этой клятвы он не сдержит — и ни слова укора не говорит.

Возникает вопрос: Почему же Спаситель сказал Апостолам, что они отступятся? Ведь это ничего не изменило, и они таки отступились. Или почему Он не акцентировал на этом их внимания, не настаивал на том, что говорит очень важные вещи и что к ним

нужно отнести, как говорится, со всей ответственностью? Вряд ли здесь возможен сколько-нибудь полный ответ, но представляется допустимым предположение о том же принципе, сочетающем Божью волю и человеческую свободу: Бог не скрывает Свою волю, но и не навязывает ее. Поистине имеющий уши да слышит. И очень горестно, что сказанные нам слова Творца мы подчас просто не удосуживаемся услышать...

В Гефсимании Христос в скорби и тоске попросил быть с Ним Петра и обоих сыновей Зеведеевых и бодрствовать, пока Он будет молиться, сказав: «Душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною». А молитва Сына Божия была такова: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты». И эта молитва дана нам, наверное, для того, чтобы мы помнили: подлинная высота духа — не у того, кто не ведает страха и сомнения, а у того, кто с верой и мужеством их преодолевает. А преодоление в свою очередь состоит в том, что свою волю совмещаешь с Божьей волей.

И здесь же мы с горечью убеждаемся в том, насколько же велика слабость человеческая: самые любимые из учеников Христовых не смогли ее преодолеть и просто-напросто уснули, хотя Иисус просил у них, казалось бы, так немного: просто быть неподалеку. Господь упрекнул Петра, сказав: «Так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною? бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна». Воззвав таким образом к вниманию учеников, Спаситель продолжал молиться: «Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя». Так Сын Божий в молитве утверждался в послушании воле Отца. А ученики? — они снова заснули; Евангелист употребляет выразительный образ: «глаза у них отяжелели», понятный всякому, кому приходилось бороться со сном. Наш добрый Господь даже ничего не сказал на этот раз

сонливцам, а продолжал молиться, «сказав то же слово», а потом воззвал к ним: «Вы всё еще спите и поживаете? вот, приблизился час, и Сын Человеческий предается в руки грешников; встаньте, пойдём: вот, приблизился предающий Меня».

Вся сцена в Гефсимании оставляет гнетущее впечатление: никто не действует «правильно», то есть в соответствии если не с важностью происходящего, то хотя бы с каким-то смыслом, кроме Самого Христа. Ученики (они ведь и действительно люди верные, преданные, любящие своего Учителя) не в состоянии оказываются выполнить Его скромную просьбу. Арестовать мирного проповедника заявляется множество народа, в том числе и высокопоставленные лица, да еще и «с мечами и кольями». Наконец, совершается символическое действие: хорошо знакомого многим Рабби из Назарета требуется еще и опознать, и знак опознания (он же знак ареста) — поцелуй. Такое впечатление, что всеми овладевает смятение, что люди не в состоянии осмыслить как происходящее в целом, так и собственное свое поведение. И в этой сумятице только Иисус знает, что происходит и каков смысл происходящего. Он полностью владеет Собой, Он немногословен, но каждое Его слово значимо — здесь и на века. Так, поцеловавшему Его Иуде Он говорит: «Друг, для чего ты пришел?». Действительно, для чего? Чтобы совершить подлость и погубить себя? Стоило ли стараться? Какой-то невыносимой на общем фоне ясностью веет от этих слов. После того как Христос был схвачен (зачем? Он ведь не сопротивляется), один из учеников хватается за меч... и отрубает ухо рабу первосвященника, — поступок до того нелепый и бессмысленный, что вызывает нареkanie Иисуса: «Возврати меч свой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут; или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов? как же сбудутся Писания, что так должно быть?». Легион

насчитывал от 4 300 до 5 000 чел., и, конечно, такое количество Ангелов могло просто-напросто смести с лица земли всех супостатов. Однако это никак не способствовало бы восстановлению рода человеческого, а целью Боговоплощения было именно это. Кстати, «взявшие меч, мечом погибнут» — это вовсе не призыв к пацифизму и непротивлению, как можно было бы подумать при невнимательном чтении. Это констатация того, что коль скоро мы желаем способствовать Божиему замыслу о мире, планировать применение оружия нам не следует. Конечно, отказ от насильственного внедрения всеобщего счастья требует усиленных и углубленных размышлений, но другого пути просто нет.

Теперь Христос обращается к народу с увещанием — нет, не отпустить Его с миром, а уразуметь суть происходящего: «Как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями взять Меня; каждый день с вами сидел Я, уча в храме, и вы не брали Меня. Сие же всё было, да сбудутся писания пророков».

И настолько невыносимо правдиво и в то же время ужасно прозвучали эти слова, рисующие величие Божие и непередаваемую жертвенность Богочеловека Христа, что реакция была уже за пределами: «Ученики, оставив Его, бежали». А Петр издали следовал за Иисусом на пути к дому Каиафы и сел там во дворе со слугами. И началось рассмотрение «дела», точнее — поиски лже-свидетелей. Нашлись те, кто кое-как привел не понятые слова о разрушении храма. Иисус с ними в словопрения не вступал, и только на торжественный вопрос первосвященника («заклинаю тебя Богом живым, скажи нам, ты ли Христос, Сын Божий?») ответил: «Ты сказал; даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных». Многократно отмечалось, что Христос не Сам провозгласил Себя Сыном Божиим, но лишь не стал отрицать слов Каиафы. Богословский смысл этого также обсуждается в литературе

и желающие могут адресоваться туда. Но каково лицемерие! В ответ на эти слова первосвященник картинно раздирает одежды и кричит о богохульстве, — как здесь не согласиться! И вот, синедрион приговаривает Спасителя мира к смерти — и начинается поношение: Ему плюют в лицо, Его бьют по лицу, да еще глумливо приговаривают: «Прореки нам, Христос, кто ударил Тебя?». Современное человечество находится под сильным влиянием кинематографа, где скорее будут помещены сцены крайней жестокости, нежели безответного глумления над главным персонажем. Наверное, это соображение скорее поможет нам понять, насколько же пострадал за нас наш Господь, — и не только физически.

...А тем временем Петр трижды отрекся от «знакомства» с Назарянином и с плачем в этом покаялся, вспомнив, что его отречение было предсказано.

